

Раздел III. Ибероамериканский мир в пространстве и времени: актуальные вопросы языка и культуры

Section III. The Ibero-American world in space and time: topical issues of language and culture

РОМАНОВА Г. С.

КАТАЛОНИЯ В ОКСИТАНИИ

Романова Галина Семеновна, к. филол. н., доцент ВАК, профессор,
кафедра испанского языка МГИМО МИД России.
E-mail: Gromanova.home@gmail.com

Возрождение малых романских языков стало заметной тенденцией на фоне глобализирующего господства языков государственных и международного языка — английского. Главная причина успеха и растущей поддержки этих процессов со стороны населения — психологическая потребность языковой личности в самопроявлении и саморазвитии, адекватном отражении собственного мировидения. Региональные филологи продуктивно работают для стимулирования, реконструкции и нормализации языковых структур.

Ключевые слова: малые языки, окситанский язык, национальная языковая личность, концепт, мировидение, реконструкция, нормализация.

ROMANOVA G. CATALONIA IN OCCITANIA

One of the main tendencies developing under the domination of great official languages and the international English is the resurrection of minor Roman languages, such as Occitan. The reason of their successful and increasing support by the local population is a psychological necessity to express, evolve and show their linguistic personality, to bring out the latent image of the world. The regional filologists work hard in order to stimulate, restore and normalize minor language structures.

Keywords: minor languages, Occitan language, national linguistic personality, concept, world vision, reconstruction, normalization.

Нельзя не констатировать тот факт, что слова «Окситания», «окситанский» мало известны в России. Несколько лет назад они были не очень известны и во Франции, где спектакли студенческого театра на окситанском языке, который выступал на площадях небольших городков, расположенных вдоль «Каналь дю Миди», вызывали искреннее удивление местных

жителей, не понимавших, на каком языке идет представление. А ведь были времена, правда весьма давние, ХП—XIV веков, когда этот язык был широко распространен на значительных территориях современных Франции, Испании, Италии. Тогда он назывался провансальским, и на нем была создана великолепная литература, ставшая основой современной европейской лирики и романа, велось делопроизводство, создавались научные трактаты по различным отраслям [1, с. 5—8].

Первые попытки возродить этот язык относятся к эпохе романтизма, связанной с интересом к истории, когда и было обнаружено, что «наряду со старофранцузским на территории Франции существовал еще другой, более древний романский язык» [1, с. 7]. Были созданы грамматики диалектов старопровансальского, переводы поэзии и прозы, чему особенно способствовала деятельность провансальского поэта Федерика Мистрала, одного из основателей группы «Фелибр», ставшего лауреатом Нобелевской премии в области поэзии в 1904 году. Позднее в Тулузе было создано Общество окситанских исследований (Societat d'Estudis Occitans) во главе с Ж. Англадом и В. Бернаром.

Однако, по авторитетному мнению известного отечественного романиста Б. П. Нарумова, современный окситанский язык «существует скорее виртуально, чем реально» [2]. Эти слова были сказаны российским ученым в 1991 году, и с тех пор многое изменилось. Окситанский язык вступил в период своего практического возрождения, постепенно завоевывая все новые сферы для своего использования, такие как СМИ, образование, местное и региональное самоуправление, художественное творчество.

В 2013 году во французском г. Нанси, на 27-м Международном конгрессе по лингвистике и романской филологии окситанистика была представлена очень широко, во всем богатстве своих многочисленных диалектов, сохранившихся на территории Франции, Испании, Италии. В 2014—2015 годах наиболее ярким впечатлением от научных форумов по окситанистике и каталонистике было активное участие в них не только знаменитых мэтров из романских стран, Германии, Великобритании и Швейцарии, традиционно работающих по широкой романской проблематике, но и целой плеяды прекрасно подготовленных молодых филологов, уже имеющих солидный собственный научный багаж в виде грамматик, учебников, словарей, лингвистических атласов и т. д. Окситанский, наряду с каталанским, звучал в университетах повсеместно, а не только в залах заседаний, понемногу, но с каждым разом все более уверенно становясь языком бытового и научного общения образованных городских слоев, особенно гуманитарных. Об этом свидетельствуют многочисленные филологические и социолингвистические исследования, отчеты о которых регулярно публикуются в библиографическом обзоре *Lo CIRDÓC bibliographie occitane* — крупнейшей государственной библиотеки-медиатеки, посвященной окситанскому языку и культуре [3].

Название этой статьи «Каталония в Окситании», потому что на обширных территориях, примыкающих к Пиренеям и средиземноморскому побережью Франции (исследование проведено в основном на материале провансальского диалекта окситанского языка) на наших глазах разворачиваются процессы, которые в 80-х — 90-х годах прошлого века наши дипломаты, хорошо говорящие по-испански, в Барселоне и Валенсии внезапно перестали понимать каталонское население, документы и речи некоторых должностных лиц. Активная помощь каталонцев и успешный пример соседей по ту сторону Пиренеев немало содействуют тому, что окситанский язык вновь завоевывает свои исторические территории, распространяясь как географически, так и проникая в различные сферы коммуникации, пробуждая у новых поколений французских граждан не только культурно-исторический, но и практический интерес к наследию, которое, как веками казалось, навсегда было забыто, чему способствовало нежелание вспоминать поистине ужасные страницы истории.

Земли древней Окситании вошли в состав французского государства к 800 году, при Карле Великом, даровавшем этому графству с центром в Монпелье широкую военную, экономическую и фискальную автономию. В раннем средневековье население этих примыкающих к Пиренеям земель создало тонкую устно-письменную культуру, в полной мере отразившую идеалы, ценности и воззрения эпохи рыцарства. На территории Окситании (*paus d'oc*), начиная примерно с 1000 года, на базе относительного экономического благополучия, политической автономии и римско-вестготской правовой системы, предоставлявшей разным слоям населения всевозможные права и привилегии, феодализм приобрёл довольно мягкую фор-

му, сложилась особая морально-этическая и эстетическая обстановка. Известно, что окситанские женщины имели право наследовать, осуществлять управление, принимать самостоятельные решения, распоряжаться имуществом и таким образом приобрели большую роль в обществе, где высоко ценились личные достижения, в частности культурные [1, с.14–15]. В некотором роде эти моральные принципы, связанные с личными заслугами и саморазвитием, являются ренессансными, они на несколько веков опередили средневековое сознание окружающих народов, оставшихся в XIII веке.

Но, к сожалению, идеалы — вещь хрупкая, и окситанская цивилизация продержалась недолго. Жители французской Окситании на протяжении веков стремились духовно обособиться от центральной политической и церковной власти, обвиняя их в несоблюдении ими же провозглашаемых принципов. Желание попытаться соблюдать библейские принципы привело, в частности, к появлению альбигойской ереси — местной разновидности движения катаров, подавленной во втором десятилетии XIII века с необычайной жестокостью. Так, посланные папой Иннокентием Третьим крестоносцы в 1209 году захватили и разграбили город Безье, уничтожив почти все его население. Городу потребовалось затем много веков, чтобы как-то оправиться от последствий религиозного геноцида.

В наши дни г. Безье стал одним из инициаторов возрождения окситанского языка. Экономически же, и после присоединения в 1224 году Окситании к Франции, эти регионы тяготели более к Испании (точнее, к Арагону и Каталонии), и эта духовно-хозяйственная и языковая связь сохраняется по сей день. Например, в городе Безье и окрестных поселках ежегодно проводится сезон корриды, что невозможно себе представить более нигде во Франции.

Провансальско-окситанское направление, когда-то привлекавшее к себе внимание лучших специалистов отечественной романистики, на протяжении десятилетий также оказалось почти забытым. В 1960–90-е годы в Москве и в Питере, прежде всего, была сильнейшая школа романистов, занимавшихся также и провансалистикой, — это Татьяна Борисовна Алисова (МГУ), Георгий Владимирович Степанов (ЛГУ, затем ИЯ СССР), Анатолий Генрихович Найман (ЛГУ), Михаил Мейлах (Тарту), имевшие немало молодых последователей. Затем российские романисты почти полностью переключились на каталонистику, а близкородственный окситанский, то есть возрожденный старопровансальский, выпал из сферы научных интересов россиян (нам известна только одна аспирантка МГУ, занимающаяся этим языком, но и она на нем не говорит).

Кроме каталанского примера и реальной материально-административной помощи со стороны Каталонии есть несколько более глубоких причин того, что сегодня, в век безусловного доминирования основных мировых языков как средства универсального общения, инструмента инновационных процессов, хранения и передачи информации, набирает силу и противоположная тенденция — возрождение языков малых, региональных. Развитие истории «по спирали», стремление элит малых этносов к той или иной форме политического самоопределения, поиск культурных корней, оживляющийся на волне растущего этнокультурного самосознания, да и в целом — универсальный принцип борьбы противоположностей.

Одним из психологических движущих факторов, описанных, в частности, Л. Вайсгербером в его работе «Родной язык и формирование духа» и целым рядом исследователей в русле неогумбольдтианских идей, является внутренняя языковая личность носителя того или иного языка или диалекта и её насущная потребность проявлять и развивать себя, осуществляя языковую деятельность [4]: «Qui perd la llenga, perd el seu país (Кто теряет свой язык, теряет свою страну)», — гласит провансальская поговорка.

В условиях би- (мульти)лингвизма так называемый материнский язык может сознательно или бессознательно подавляться, но тем не менее никогда не исчезает совсем. Это доказано современной наукой, в частности медицинской психологией. Структурные матрицы восприятия мира, мышления о нем, вычленение его элементов и особенно базовые аксиологические параметры закладываются материнским языком. Они могут быть вытеснены даже за пределы сознания, однако при благоприятных условиях могут быть восстановлены, поскольку все заложенное в детстве наиболее прочно сохраняется в личности, в частности языковой.

Языковая личность немыслима без диахронной составляющей, она живет в мире, картина которого создана категориями и концептами данного языка. Теоретически это подробно

описано покойным академиком Юрием Карауловым и другими исследователями, подчеркивающими, что это наивная, а отнюдь не научная картина мира, составленная представлениями, преданиями, фольклором, языковым, литературным и иным творчеством народа, отражающим, среди прочего, основные его ценности [5]. Поэтому огромная часть проблем возрождаемых языков связана с многовековым языковым провалом, средневековым состоянием, в данном случае — провансальского, на базе которого воссоздается окситанский. Ведь овладение грамматикой и словарем, по словам Ю. Караулова, — это лишь первый этап, когда еще рано говорить о становлении языковой личности. Оно происходит только на этапе усвоении концептуально-ценностной основы языка, а ее еще лишь предстоит создать, частично реконструировав на основе литературно-художественных традиций, частично создав заново. Столетия существования во франкоговорящей среде, неизбежная и необходимая контаминация — это реальность, которую окситанские исследования наших дней стремятся обогатить понятийными доминантами, поиск которых ведется в текстах «золотого века» средневековой литературы, с целью дополнить картину мира современных носителей, дать им ценностные ориентиры, то есть способствовать воссозданию окситанской языковой личности, по возможности на современной почве. Примером этому может служить работа коллектива итальянских исследователей, подробно проанализировавших большой корпус историко-литературных материалов старопровансальских, старофранцузских, староиспанских, современных французских, каталанских и итальянских текстов и обнаруживших ряд ядерных концептов, лежащих в основе соответствующих национальных языковых личностей, убедительно описав ряд коренных различий между ними [6; 7].

Как же быть с понятиями нашего времени, объем которых в разных языках не совпадает, как избежать массового их заимствования из близкородственных французского, испанского, каталанского? Ведь поддавшись этому соблазну, можно полностью размыть между ними границы, а это контрпродуктивно. Нужно ли создавать терминосистемы в современных отраслях или оставить эту сферу английскому? На эти вопросы уже найдено много удачных и остроумных решений, они охотно принимаются сообществом [8; 9].

Окситанский язык в современном воссозданном виде близок к каталанско-валенсийскому языку, но языковая ситуация в Лангедоке и Руссильоне совсем иная, чем в Каталонии, где язык коренного населения является коофициальным [12, с. 46–57]. В центре возрождения окситанского языка стоят университетская общественность и литературные круги. Но самое главное — среди широких масс образованных жителей активно пробуждается потребность общаться на языке предков, обучать на нем своих детей.

«Кто имеет язык, тот имеет ключ» («*Quao ten la lengo, ten la clau*», — говорил Фредерик Мистраль). А его современные последователи убеждены: чтобы реально держать этот ключ в руках, необходимо как можно больше на этом языке говорить, обеспечить его присутствие в школах, СМИ, в литературе, в разных сферах жизни [10].

Еще одна группа лингвистических проблем связана с тем, что окситанский язык на территории *Paisos occitans* (окситанских стран), включая Аранскую долину в Каталонии и область Турина и Кони в Италии, существует в виде групп диалектов: это гасконские, лангедокские, провансальские, лиможские, овернские, вивароальпинские, аранский. За ними в целом признается демократическое право на существование и всячески подчёркивается, что никто не собирается их подавлять ради достижения единства. Но на деле уже действуют понятия *Occità referencial* (на базе диалекта Лангедока), он же *Occità estandard* и *Occità general* (это все другие формы). И то и другое уже очень хорошо описано в грамматиках, словарях и т. д., но из названия понятно, что будущее окситанского видится как нечто единое, хотя сейчас эти грамматики и словари демонстрируют высокую степень полиморфизма [8].

Нерешенность (или принципиальная нерешаемость?) проблемы диалектов осложняет и без того серьезную проблему фиксации и развития лексического фонда окситанского языка. Исследователям бывает непросто установить, является ли та или иная лексема, либо её вариант, каталанским, окситанским или, к примеру, гасконским или галисийским, так как основной авторитет в вопросах истории романских языков — этимологический словарь Корминаса не всегда это указывает, особенно в тех случаях, когда речь идет о бытовой или аффективной лексике. С лексикой, относящейся к культурной, литературной сферам эту проблему решить проще, так как она зафиксирована в письменных произведениях, нередко

в контексте прямо указывается место действия и происхождение персонажей. Интересно, что при этом средневековые авторы часто дают им характеристики, отражающие стереотипные представления о той или иной этнической группе [11].

Чтобы язык стал по-настоящему родным, материнским, желательно его освоение с детства, в семье, а не только в школе или в университете. Однако большинство жителей — сторонников укрепления позиций окситанского языка на деле являются *semi-locuteurs* («полуговорящими»), с сильной интерференцией французского (или испанского/итальянского) языка. Реально «материнским языком» он остается в отдаленных сельских местностях, где за ним довольно прочно закреплена бытовая сфера и терминология, связанная с традиционными отраслями хозяйства (гончарное дело, сельское хозяйство, где с каждым годом занято все меньше работников — не мигрантов). Современная терминология всегда французская (с англоязычными заимствованиями). Многие из школьных и университетских преподавателей, будучи большими энтузиастами, не являются *locuteurs natifs* (терминология французская!), то есть носителями окситанского языка с рождения, но лингвистический переход уже заметен, он происходит на глазах. Немало молодых людей охотно принимают возможность довольно продолжительно потрудиться в окситанской языковой среде именно ради овладения навыками общения. Повсеместно существуют ассоциации по возрождению окситанского, всячески поддерживаемые местной администрацией. Обычно люди занимаются в группах по 10 человек один или два раза в неделю, разговаривают, поют, изучают традиции и фольклор, то есть сознательно уделяют время деятельности, которая именуется по-французски — *revitalisation de la langue* (оживление языка). Кроме того, предлагаются разнообразные, обычно летние, курсы для иностранцев, с проживанием в окситаноговорящих семьях.

В целом окситанский язык находится на пути, уже пройденном его ближайшим родственником каталанским, сумевшим стать современным средством коммуникации во всех областях жизни, научной мысли и творчества. Его дорога представляется более легкой, так как Каталония оказывает Окситании всемерную техническую, финансовую, организационную и политическую поддержку. Успешный пример соседей вдохновляет все большее количество коренных жителей древней Окситании на активное возрождение своего языка и самосознания. Однако лишь история покажет, как будут развиваться дальнейшие судьбы языков и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова Т. Б., Плужникова К. Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. — М.: Макс Пресс, 2011. — 173 с.
2. Нарумов Б. П. Неороманский язык: окситанский // Формирование романских литературных языков. Провансальский-окситанский. — М.: Наука, 1991. С. 42. — 160 с.
3. Lo CIRDÒC bibliographie occitane 2002–2006. — Mèrignac-Cedex, 2009. — 241 p.
4. Гухман М. М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961. С.123–162.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007. — 267 с.
6. Stenta, Miquela. Larguesa. Un art du don dans l'Occitanie médiévale. CRDP de l'Académie de Montpellier, 2011. — 86 p.
7. Romanova, Galina. El occitano como visión del mundo.(Романова Г.С.Окситанское мировидение). Occitania en Catalonha: de tempses novèls, de novèlas perspectives. X-en Congrès de l'Associacion Internacionala d'Estudis Occitans. Universitat de Lheida, 2014, p.124–125.
8. Carrera, Aitor. L'Occità. Gramàtica i diccionari bàsics. Occità referencial i aranés. — Lleida: Pagés editors, 2011. P. 9–15. — 276 p.
9. Camins, terres i paraules //II Jornades sobre els altres parlars valencians de base castellano-aragonesa. — Enguera, 2013. — 556 p.
10. Abbe, Andrieu. Cronicas Provençalas de la Terra. Ediciens Aquó d'Aquí e L'Agriculteur Provençal, 1989. P. 81, 82. — 93 p.

11. *Романова Г. С.* Гендерные образы в окситанской поэзии 16 века: к вопросу о формировании языковой личности // Романские языки и культуры: от античности до современности / VII Международная научная конференция 28–29 ноября 2013 г. Сборник материалов. — М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 251–266. [Электронный ресурс]. URL:http://istina/msu/ru/media/icollections/collectioneditorship/a4e/e83/10120428/Sb_rom_conf_2013_lzd_2015.pdf.
12. *Grínina Elena.* Situación sociolingüística en España: el pasado y el presente. // Мир испанского языка: курс лекций по лингвострановедению / Под ред. А. А. Горенко, Е. В. Крюковой. — М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 38–60.